

нации (*В итоге получается то, что актеры называют «играть себя»*—М. Чехов, 326). Претендуя на истинность своих слов, говорящий подготавливает слушателя к оценке высказывания, показывает степень обоснованности своих суждений.

4. Эмоционально-экспрессивные оценки речи, связанные с такими ее чертами, как не-нейтральность, остранение, деавтоматизация, ассоциативно-образная номинация⁸, осуществляются лексическими средствами. Для данного вида оценок важным является коннотативное значение: *выступать*— 'говорить резким тоном, выражая несогласие с кем-л.', *срезать*— 'резкими словами, замечаниями оборвать чью-л. речь; травить— 'врать, рассказывать небылицы'. Говорящий оценивает языковые единицы в нормативном, стилистическом, эстетическом аспектах. (*Юный их питомец с жадностью пожирал первенцы плодов учения: лепетал по-французски, сбиваясь отчасти на гасконское произношение, и твердо, резким голосом выкрикивал слова на так называемом платдейч*— РРП, 187). Выражение отрицательной оценки представлено многообразнее, чем положительной: *пресловутый, так называемый, в кавычках, смешно сказать*. Говорящий может снизить категоричность оценки: *по сути дела, собственно, чтобы не сказать больше*.

Таким образом, функциональная категория презентации речи включает как языковые, так и речевые средства метаязыковой рефлексии. На основании вклада каждого средства в содержание категории выделяются четыре подкатегории, осуществляющие функцию презентации речи. Функциональная категория презентации речи характеризуется определенной близостью с метаязыковой функцией языка / речи, связанной с сознательным отношением к тексту, а также сходством с поэтической функцией, основанном на повышенном внимании к плану выражения языкового знака.

¹ См.: Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.

² См.: Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. Л., 1929. С. 142.

³ Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. М., 1955. С. 455.

⁴ Волошинов В. Н. Указ. соч. С. 171.

⁵ Гвоздев А. Н. Указ. соч. С. 451.

⁶ См.: Якобсон Р. О. // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 101.

⁷ См.: Вежбицка А. // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. 8.

⁸ См.: Телия В. Н. // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991. С. 8.

Сокращения

Битов—Битов А. Собр. соч. в 3-х т. М., 1991. Т. 1; Кир. Тур.—Кирилл Туровский // ПЛДР, XII в. М., 1980; НСЗ-73—Новые слова и значения. М., 1973; НСЗ-84—Новые слова и значения. М., 1984; ПКП—Киево-печерский патерик // ПЛДР, XII в. М., 1980; РРП—Русская романтическая повесть. М., 1983; Сказ. о ДС—Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы // ПЛДР, XVII в. М., 1989; УАрм.—Уроки Армении // Книга путешествий. М., 1986; М. Чехов—Чехов М. Литературное наследие в 2-х т. М., 1986.

И. В. КУРЬЯН

К ВОПРОСУ ОБ ЭТИМОЛОГИИ СЛОВА *человек*

Слово *человек*—одна из загадок этимологии. Есть более двадцати этимологических версий, но ни праславянская форма этого слова, ни этимология окончательно не определены. Исследователи славянской лексики, однако, выдвинули два общих положения, которые должны являться отправными пунктами дальнейших попыток объяснить «происхождение человека»: во-первых, это слово исключительно славянское и не имеющее фонетического соответствия в других индо-европейских языках, и поэтому сравнения с греческим, балтийскими, другими индо-европейскими языками считаются устаревшими; во-вторых, это исключительно сложение основ **čelo* + *věkъ*, и тенденция рассматривать слово как односоставное суффиксальное образование считается старой и неперспективной.

Данное этимологическое исследование начиналось с подбора фонетического материала с полногласием и метатезой в русском, белорусском и польском языках. К группе слов с корневым сочетанием **tolt* можно отнести

и слово *человек*. Оно дает восточнославянское полногласие в белорусском языке: *чалавек*, в русском: *человек*, в украинском: *чоловік* и метатезу в польском языке: *człowiek*. Соответственно, восстанавливается общеславянская конструкция **kolvěkъ*, где слово возвращается к конструкции типа **tolt* и где корневой **k* – впоследствии палатализованный звук. Безусловно, знакам польского языка такая этимологическая форма напоминает современную, малоупотребляемую и малоисследованную форму *kolwiek*, которая является частицей неопределенных местоимений.

Надо сказать, что существует другая версия объяснения слова *человек* через слово *kolwiek*. Она была выдвинута еще в 1972 г. минским ученым В. В. Мартыновым и определена в словаре под редакцией О. Н. Трубачева (1977) и в примечании к статье русского издания словаря М. Фасмера (1987) как оригинальная, но очень спорная. Версия эта подробно излагается в сборнике «Русское и славянское языкознание: К 70-летию Р. И. Аванесова» (1972).

В. В. Мартынов приходит к парадоксальной, на первый взгляд, мысли о местоименном характере праславянского **čelověkъ*, обнаружив в других языках идентичное формальное воплощение значений *кто-то* и *человек*. Далее он членит слово на **čelo + věkъ*, где *o*, по аналогии с моделью сложных слов, появляется, как соединительный гласный из *i*.

Таким образом, В. В. Мартынов восстанавливает начальную форму **koli-věkъ*, что соответствует чешскому произношению этой частицы и варианту древнего польского произношения (А. Brückner. *Słownik etymologiczny języka polskiego*). Для первого компонента исследователь воспроизводит апофонические варианты основ: **keli*; **kole*; **koli*, сравнивая с лит. *keli* (*сколь, многие, некоторые*) и лат. *quālus* (*какой*). Второй компонент В. В. Мартынов возводит к известной версии А. А. Потебни, где **věkъ* обозначает *сила, возраст*.

В результате, смысловое соединение *какой, сколько, многие* и *возраст* совпадает со смысловым соединением компонентов неопределенно-личного местоимения в финском языке: *kuka ikenä* (*кто бы ни*), где *kuka* есть *кто*, *ikä* есть *возраст*.

В целом, В. В. Мартынов стремится объяснить исключительно русский фонетический вариант слова *человек*, обнаруживая соединительный гласный *o* и гласный переднего ряда после этимологического начального **k-*. Им не восстанавливается праславянская конструкция, которая могла бы дать метатезу в польском, и не учитывается то, что энклитика *kolwiek* не употребляется самостоятельно без **сью* и *кѣю* и никогда не была самостоятельной формой местоимения.

Наша этимологическая работа в основном базируется на материале языковой памяти. Она во многом является «сырой», интуитивной и не претендует на этимологически закреплённую версию. Прежде всего были поставлены в один ряд синонимичные формы неопределенно-личных местоимений: польск. *ktokolwiek*, *ktoś*, бел. *хтось*, рус. *кто-то, кто-либо, кто-нибудь*.

Далее этимологически были исследованы формы *либо,нибудь*. Первое слово по этимологическим статьям является наречным образованием от слов со значением *любить, любимый, любить, нравиться*. Второе слово – словосочетание частицы *ни* и императивной формы *будь*.

Теперь попытаемся представить, как были переосмыслены эти слова в частицы неопределенных местоимений. Нужно воссоздать такую предложную конструкцию, где слова находились бы в состоянии морфологической и синтаксической полисемии. Например, строка из известной детской песенки: «Каравай, каравай, кого любишь, выбирай» имеет другой вариант: «Каравай, каравай, кого люблю, выбирай». В этом примере создалась определенная альтернативная ситуация для слова *любю*. Здесь слово *любю* утрачивает синтаксическое значение обстоятельства с утратой глагола, к которому оно должно непосредственно примыкать, т. е. «кого люблю выбирать, выбирай», где *выбирать* исчезает. Утрата слова *выбирать* освобождает слово *любю* (*либо*) от конкретной отнесенности к одному из членов предложения, и оно переосмысливается уже в значение дополнения в составе неопределенно-личного местоимения. Так поменялось значение наречия и обстоятельства в значение частицы и дополнения.

Аналогичные альтернативные конструкции можно воссоздать для части-

цы *нибудь* или польского *bodź*: *кто ни был бы; кто бы там ни был; будь кто другой*. Эти синтаксические конструкции в совокупности своих компонентов несут одно значение: неопределенного лица.

Такой разбор был предпринят для слова *kolwiek*. Этимологический словарь А. Брюкнера (1970) приводит наряду с формой *kolwiek* форму *kolwie*. Тогда членение слова дает шанс первый компонент **kol-* соотнести с местоимением *коль, сколь*, наполненным отчасти значением количества, отчасти значением условности, и с формой глагола 3 л. ед. ч. наст. вр. *вѣ (wie) ведает, знает* соотнести второй компонент **vě*.

Попытка воссоздать предложную конструкцию, где слово приобретает морфологическую и синтаксическую полисемию, привела к следующему:

польск. *Czy może kto, kol wie (kolwie) nauczyć dziecko czytać?*

рус.: Может ли кто, коль ведает (если знает), научить ребенка читать?

польск.: *Może kto, kol wie (kolwie) pokaże drogę do miasta?*

рус.: Может кто, коль ведает (кто знает), покажет дорогу в город?

Пример из словаря Брюкнера: «*kto mi kolwie powie*» (с. 247). Здесь *kol wie* выполняет функцию вводного предложения, синонимичного современным конструкциям: *если знает; насколько знает; сколь известно; насколько известно*. Частично подобное значение несут конструкции типа: *сколь долго; сколь-либо; сколь-нибудь; калі б хто ведаў*. Приведенные примеры вполне могут быть переосмыслены, и вводное предложение *kol wie* преобразовано в словосложение *kolwie*, а в дальнейшем *kolwiek* в значении частицы неопределенного местоимения.

К числу предложных конструкций, которые синонимичны слову *кольвек* со значением *неизвестно кто, кто-то*, можно причислить конструкции, в составе которых есть глагол *знает, ведает* в форме 3 л. ед. ч. наст. вр.: *кто его знает; бог знает кто; хто яго ведае, хто; bóg wie; diabli wiedza*, и, возможно, некоторые другие.

Уже сформировавшаяся форма *ktokolwiek* приобретает другой ближайший алломорф *кто-то, хтось, ktoś*. В данных формах неопределенно-личных местоимений частицы *то* и *сь* — это древние указательные местоимения, которые употреблялись при замещении понятия *то*, что соответствует и понятию *человек*. Можно предположить, что осмысление формы *kolwiek* как указательного местоимения, а в дальнейшем как слова *человек* произошло примерно в такой синтаксической ситуации: интересно, что неопределенные местоимения *кто-то, что-то, что-либо, когда-либо, кто-нибудь* и т. п. имеют обратную конструкцию, но в составе сложно-подчиненного предложения. В нем опорным элементом является частица *то*, а местоимение выполняет роль союзного слова, т. е.: *лежит что-то = то, что лежит; кто-то знает = тот, кто знает; что-то знает = то, что знает; любо, когда звучит музыка = музыка звучит, когда-либо; ни будь его, кто бы пошел = пошел бы кто-нибудь*. Соответственно: *кто-кольвек приехал = кольвек, кто приехал = человек, кто приехал = человек, который приехал*.

На каком-то этапе эти конструкции были равнозначными. И именно в таких конструкциях начало снижаться значение неопределенности и стало увеличиваться значение определенного, конкретного лица.

Во всех славянских языках сохранились прямые (местоименные) и обратные (предложные) конструкции так называемых неопределенных местоимений. Несколько разошлись значения изначально тождественных форм. Но ни в одном языке не сохранилась обратная конструкция с частицей *kolwiek*, зато есть обратная конструкция со словом *человек* и она несет архаическое значение неопределенности и именно она дает альтернативу наполнения этого значения конкретностью. Например, в современном языке встречаем: «Человек, который любит свою работу, не просит, чтобы ему помогли», т. е. «кто-то, кто любит...» (в современной конструкции произошла замена на союзное слово с определительным значением). Архаическое значение неопределенного лица в слове *человек* фиксируют и толковые словари.

Возможно, история слова *человек* складывалась именно так, хотя здесь много вопросов, в т. ч. фонетического плана. Например, не совсем ясны те фонетические условия, в которых корневой **k→sz*. Или: загадочен тот факт, что в слове *kolwiek* — [л], а в слове *человек* — [л]. Такие нюансы вызывают сомнения в истинности наших доводов.